

БРЭДЛИ А. ФИСКЕ

ИСКУССТВО ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

ЭВОЛЮЦИЯ ТАКТИКИ
И СТРАТЕГИИ

Брэдли Аллен Фиске

Искусство ведения войны.

Эволюция тактики и стратегии

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6100885

Искусство ведения войны. Эволюция тактики и стратегии:

Центрполиграф; А.; 2013

ISBN 978-5-9524-5077-6

Аннотация

Основоположник американской военно-морской стратегии XX века, «отец» морской авиации контр-адмирал Брэдли Аллен Фиске в свое время фактически возглавлял все оперативное планирование ВМС США, руководил модернизацией флота и его подготовкой к войне. В книге он рассматривает принципы военного искусства, особое внимание уделяя стратегии, объясняя цель своего труда как концентрацию необходимых знаний для правильного формирования и подготовки армии и флота, управления ими в целях защиты своей страны в беспокойные годы и обеспечения сохранения мирных позиций в любое другое время.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Брэдли Аллен Фиске Искусство ведения войны. Эволюция тактики и стратегии

Предисловие

Бедствия войны столь ужасны, что каждый человек, который с сочувствием относится к роду человеческому, будет с радостью приветствовать наступление вечного мира и способствовать всякому движению для его обеспечения.

Тем не менее, пока войны не исчезли на Земле, следует сохранять армии и военно-морские силы. Чтобы обеспечить своей стране необходимую защиту, каждая армия и флот должны быть правильно сформированы, подготовлены и управляемы.

Чтобы понимать, как это делается, людям необходимо общее знание принципов военного искусства, особенно стратегии.

Поделиться этим знанием, изложив его простым языком, и является целью этой книги.

Брэдли А. Фиске

Осада города в древние времена

Часть первая **СРАЖЕНИЯ И ВОЙНА ВООБЩЕ**

Глава 1 **СХВАТКИ МЕЖДУ** **ОТДЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ**

Самый древний способ схватки между людьми – эта драка кулаками. Человек использовал свои кулаки, чтобы наносить удары по телу своего противника с целью причинить ему боль и особенно – снизить его способность наносить ответные удары. Практически во всех случаях драка преследовала какую-то цель; и эта цель была либо наступление, либо оборона. Это означает, что человек имел намерение либо способствовать достижению своей цели, либо помешать противнику добиться своей. Драка кулаками в ходу и в наши дни не только среди диких племен, но и в самых цивилизованных обществах; она является прототипом самых сложных и масштабных войн, которые когда-либо вели даже самые высокоцивилизованные и многочисленные народы.

Рассматриваемый с точки зрения войны между двумя народами, кулачный бой между двумя людьми выглядит очень

простым. Но он уже не кажется таким простым, если рассматривать все его элементы. На первый взгляд такой бой прост по той причине, что мы не принимаем в расчет ту удивительно сложную деятельность, которая происходит внутри каждого соперника. Если бы мы знали обо всем, что происходит внутри каждого из них, мы поняли бы, что ни в одной армии и ни на одном флоте никогда не было такой совершенной адаптации средств для достижения цели, такой совершенной координации различных частей единого целого, такой способности сосредоточить их на одном объекте, такой быстрой подачи подкреплений в угрожаемые места, такой восхитительной системы рекогносцировки и абсолютной способности передвигаться как единое целое в желаемом направлении к указанному месту.

Если два неподготовленных человека дерутся на кулаках, мы не видим такой быстроты атаки и защиты, как в случае драки двух профессионалов. Но даже в первом случае или даже в случае, если дерутся два маленьких мальчика, мы видим такое удивительное телесное умение драться, которое наводит на мысль, что изначально замысел Всемогущего состоял в том, чтобы предназначить тело человека для драки. Эта точка зрения была бы экстремальной, но в то же время можно указать на то, что ни в какой другой деятельности, которой занимается человек, от него не требуется проявлять свои возможности так энергично, нет необходимости прикладывать такой широкий спектр усилий; человеческие си-

лы – физические, умственные и нравственные – не подвергаются такому тяжелому испытанию. Никакая другая активность человека не вызывает у него такого упадка сил. Все это не должно нас удивлять: почему нас должно удивлять то, что величайшие усилия человека направляются на спасение его жизни? Жизнь каждого дерущегося человека зависела от исхода многих поединков; а во многих случаях, когда от поединка она не зависела, было в такой ставке нечто такое, из-за чего люди так рисковали.

Если наблюдать за двумя даже не подготовленными специально людьми, когда они дерутся, можно увидеть, что каждый из них внимательно смотрит за соперником, во-первых, выискивая возможность нанести удар, а во-вторых, отслеживая удар, который следует отразить. В некоторых случаях ситуация меняется, и мы видим, что по крайней мере один из участников поединка больше склонен защищаться, нежели наносить удары. Если мы видим, что один человек больше настроен наносить удары, а другой – их парировать, то мы понимаем, что один ведет наступление, а другой держит оборону. Ясно и то, что, если не будет явной диспропорции в силе или умении, человек, действующий наступательно, вероятно, станет победителем.

Но ясно также и то, что он не обязательно будет победителем. Тот, кто занял оборонительную позицию, возможно, просто выжидает случая, чтобы нанести эффективный удар. А человек, который ведет наступательные действия, возмож-

но, использует свои силу и достижения, мало руководствуясь разумом, и может выдохнуться, неправильно направляя свои усилия. Понятно, что обороняющийся человек может в конце концов увидеть шанс пробить защиту соперника и нанести решающий удар. Мы понимаем все это, потому что с детских лет нам знаком такой способ драться, а знание его основных принципов настолько унаследовано нами, что почти инстинктивно.

Мы также понимаем, что, если защищающийся не перейдет в какой-то момент в наступление, он наверняка будет побежден. Ни одно сражение в истории человечества – независимо от того, насколько оборонительным оно было, – никогда не увенчивалось победой без тех или иных наступательных действий и нанесения удара. Рассматривая простой случай кулачного боя с участием двоих человек, мы не можем представить себе, что один из них станет победителем, не нанеся удар, или не осуществив успешный захват или бросок на землю, или не причинив противнику какой-то ущерб. Далее мы увидим, что это – фундаментальные принципы, лежащие в основе всех войн; и если забывать о них, то возникает много неверных представлений о сущности войны и целях стратегии.

Пока два противника наблюдают друг за другом в ожидании случая нанести свой удар и парировать удар соперника, внутри каждого из них происходят невидимые процессы. Мы не видим эту систему независимых и в то же время зави-

симых элементов, благодаря которым члены человеческого тела действуют самостоятельно и одновременно совместно, подчиняясь воле, направляющей их всех к общей цели. Мозг получает сигнал от разведывательного органа, глаза, о быстрых движениях противника, не только о его теле как едином целом, но и о его руках, ногах и глазах, то есть мозг отмечает направление и скорость движения тела врага, его поддерживающих и разведывательных органов. Осознав все это, мозг по нервам отправляет приказы к мускулам, немедленно располагая свое собственное тело, поддерживающие и разведывательные органы так, чтобы то парировать удар, то отступить, то перейти в наступление, то нанести удар.

Каждый участник кулачного боя посредством разведывательных органов (глаз) выискивает момент, когда откроется туловище противника, чтобы нанести по нему удар, а также выжидает случай попасть в его слабое место. Каждый участник понимает, что самый действенный удар тот, который нанесен со всей силой рукой в лицо, но такой удар сопряжен с риском, потому что открывает его самого для удара соперника; и поэтому участники кулачного боя наносят друг другу много сравнительно несильных ударов, не открываясь сопернику, в надежде постепенно вымотать его силы до такой степени, чтобы в нужный момент провести удар в полную силу безо всякого риска.

Это, разумеется, предполагает, что два участника кулачного боя приблизительно равны по силе. Если это не так,

то один из них может получить возможность нанести серию мощных ударов без всякого риска для себя и быстро закончить поединок. Однако если такое неравенство сил имеет место, то такой случай не представляет интереса для человека, изучающего искусство ведения боя по той причине, что бесполезно изучать возможности этого искусства на примерах, в которых существует такое большое неравенство в физической силе, что не дает шанса проявить себя стратегии.

Если кулачный бой двух неподготовленных людей дает возможность увидеть великолепную демонстрацию способностей человеческого тела, то только в поединке двух хорошо тренированных бойцов они проявляются во всем своем совершенстве. А если зритель подумает над тем, как мало людей имеют высокую бойцовскую подготовку, увидит великолепную физическую силу, быстроту мышления, взаимодействия между нервами и мускулами и осознает, сколько для этого требуется тренировок, он должен прийти к выводу, что, хотя все это и может показаться ему жестоким и деморализующим, способным понизить высокую культуру общества, эти качества все же развиваются больше, чем какие-то другие способности человеческого тела. У обученного пианиста мы видим превосходную согласованность действий глаз и пальцев. Эта согласованность действий так же велика, как и между глазом и кулаками бойца, но не больше. Пианист извлекает из клавиш прекрасные аккорды и их последовательности, доставляя удовольствие слушателям, в то вре-

мя как боец наносит удары, которые вызывают физическую боль и телесные повреждения. Тем не менее вряд ли можно отрицать, что с точки зрения механики человеческого тела пианист или даже акробат находятся на более низкой ступени по сравнению с бойцом. То, что боец посвящает свои поистине удивительные способности цели, которая может быть недостойной или даже дурной, не отменяет того факта, что он доводит физическую активность человеческого организма до более высокого уровня, чем кто-то другой.

Причина, по которой боец способен достигнуть столь многого, или причина, по которой любой человек может ходить, или говорить, или делать что-либо еще, состоит в том, что человеческое тело является организмом, то есть структурой, состоящей из частей независимых и в то же время взаимозависимых друг от друга, которые можно заставить действовать вместе с определенной целью. То, что обычно называется машиной, есть сотворенное подобие организма, созданного Всевышним. В машине – например, в печатном станке – мы видим огромное количество деталей, каждая из которых работает на первый взгляд независимо от других; тем не менее все они работают вместе для того, чтобы напечатать газету. Когда смотришь на работу печатного станка или какой-нибудь другой большой машины, изобретенной человеком, наполняешься удивлением перед гением изобретателя и умением механиков, которые воплотили задумку изобретателя в стали и меди. Но всякая машина, когда-либо

изобретенная человеком, является не чем иным, как подражанием механизму человеческого тела. Насколько известно людям, человек – самая совершенная машина, изобретенная Всевышним.

Существуют три основных элемента, которые определяют эффективность кулачного бойца, и эти же самые элементы определяют действенность армии или флота, – сила, мастерство и храбрость. Эти качества присущи человеку изначально, но их можно развить до поразительной степени.

Сила бывает двух видов – оборонительная и наступательная – и проявляется способностью терпеть физические травмы и наносить их. У человека размер скелета является примерным указанием на его силу; на это указывает и размер флота или армии. Однако это указание является приблизительным: многие крупные мужчины не обладают ни оборонительной, ни наступательной силой, то же самое справедливо и в отношении армии или флота. Физическая сила человека зависит не только от его габаритов, но и от того, как соединены различные элементы его тела, от силы его отдельных мускулов и от того, насколько эффективно они соединены. Если у бойца слабые ноги или сердце, то, даже имея чрезвычайно сильные руки, он не будет сильным бойцом. Аналогично, если большая армия или флот состоят из слабых бойцов, или слабо вооружены, или в них есть слабые звенья, то такие армия или флот не могут быть сильными. Грубо говоря, сила человека, армии или флота – это сила его самой

слабой части, потому что в серьезном сражении слабое звено обязательно будет замечено и подвергнется решительной атаке с целью прорыва, и тем самым будет уничтожена целостность всей структуры.

Умение человека драться кулаками присуще ему от природы и может быть приобретенным; это же относится и к флоту или армии. Если человек быстро соображает в том смысле, что схватывает все на лету, то он быстро замечает каждое движение своего соперника; если же человек – тугодум, то он может не заметить движения соперника достаточно быстро, чтобы успеть принять эффективные контрмеры. Аналогично, когда разведывательные подразделения флота или армии действуют неэффективно, в этом случае флот или армия могут подвергнуться нападению прежде, чем они успеют принять должные меры к обороне. И даже если человек обладает хорошей сообразительностью, может оказаться так, что координация между его мозгом и мускулами недостаточно быстра, так что, если даже он быстро заметит угрозу со стороны своего противника, его мускулыотреагируют слишком медленно. Это более характерно для грузных мужчин, нежели легких, потому что у первых больше масса тела, которую нужно привести в движение. Но, как правило, тот человек, который быстро соображает, быстро и действует. Точно так же в отношении флота или армии: сбор информации о враге может быть результативным, но средства доставки информации к основным силам и принятие дей-

ственных контрмер могут быть неэффективными, особенно если флот или армия очень велики. Но, как правило, та же самая дальновидность, которая обеспечивает хорошие средства информации, предлагает и хороший способ осуществления действий в соответствии с нею.

Мастерство больше поддается развитию, нежели физическая сила бойца; хотя, конечно, сила тоже поддается немалому развитию. Умение развивается путем тренировки; важно то, что эта тренировка приобретается в основном в реальных соревнованиях с противником. Развития одной лишь силы можно добиться простыми физическими упражнениями; но глаз таким способом нельзя натренировать так, чтобы он быстро замечал движения противника, как и нельзя натренировать руку парировать удар или наносить ответный. Это же относится и к флотам, и к армиям – просто силу (то есть способность противостоять ударам и наносить их) можно развить упражнениями, на стрельбах и тактических учениях, но лишь в противоборстве, более или менее приближенном к реальности, можно приобрести умение понимать намерения врага и давать на них эффективный ответ.

Однако мастерство необходимо не только для принятия контрмер: еще больше оно необходимо для начала наступательных действий. Цель бойца (флота или армии) состоит в том, чтобы нанести сокрушительный удар. Чтобы осуществить это, необходимо, во-первых, увидеть возможность сделать это, а во-вторых, моментально отреагировать всеми

имеющимися силами. Такая возможность должна быть понята мгновенно; но это понимание бесполезно, если за ним не следует соответствующее действие. Простой иллюстрацией этого является стрелок с винтовкой. Он жадно смотрит в прицел направо и налево; его мастерство состоит не в том, чтобы держать свою цель все время на мушке, поскольку ни одному человеку это не под силу, а в том, чтобы мгновенно увидеть, когда цель на мушке, и тут же спустить курок. Многие стрелки не попадали в цель, потому что недостаточно быстро спускали курок.

Храбрость тесно связана с мастерством, потому что без храбрости нервные, умственные и духовные качества человека не находятся в нужном состоянии мобилизации. Храбрость не означает просто отсутствие страха, так как подобное может проистекать из недостаточно полного понимания ситуации из-за медлительности ума. Храбрость – это сильное и тем не менее контролируемое желание победить, которое ищет цель настолько сосредоточенно, что все силы тела и разума направлены на его достижение, несмотря на опасность, дискомфорт и усталость. Без храбрости ни один боец не может успешно сражаться; это же справедливо и в отношении любой армии или флота. То, что это полезное качество, направленное на достижение цели в кулачном бою, можно подвергать сомнению; но человек редко дерется ради самой драки, чаще это бывает ради какой-то благородной цели, например защиты своих жены и детей. Я привел пример

кулачного боя просто потому, что он наилучшим образом иллюстрирует развитие в человеке способности сражаться.

Но считаем мы, что храбрость в простой драке достойна похвалы, или нет, мы должны признать, что в сражении это высочайшее личное качество, потому что без него сила пропадает, а мастерство подводит. Во многих поединках, особенно с участием неподготовленных людей, победа была одержана не потому, что проигравший умер или был физически истощен, а потому, что его храбрость или нравственные устои были низведены до такой точки, когда он не хотел или не мог больше биться. Он, в сущности, сказал себе: «Я уже измучен, какой смысл дальше драться? Чем дольше я сражаюсь, тем хуже мне будет». По этой причине в подготовке всех бойцов, как отдельных людей, так и рядовых армии и флота, большая часть обучения посвящена развитию храбрости. Искусство тренера в одном случае и командования в другом посвящено *поощрению* в бойцах храбрости.

Во время драки только кулаками и руками редко появлялась возможность – в случае, если нужно добиться какой-то цели или помешать противнику добиться своей, – достичь результата. Пока использовались лишь эти средства, противник сохранял свободу движений и всегда мог отступить или сместиться вправо или влево так, чтобы уменьшить силу удара или вовсе избежать его. По этой причине кто-то предпринимал попытку схватить своего противника и уменьшить его свободу действий, чтобы удары нельзя было ни смягчить, ни

избежать их. На каком-то этапе борьбы один из противников обычно хватал другого и пытался бросить его на землю и сделать его неспособным ни наносить удары, ни уклоняться от них. Когда беспомощный соперник лежит на земле, победитель может наносить удары с наибольшей силой до тех пор, пока его жертва не покорится; а в некоторых случаях победитель получает возможность схватить соперника за горло и задушить. Аналог этого мы видим во многих военных операциях флотов и армий, в которых одна сторона получила возможность обойти, или окружить противника, или загнать его в такое положение, в котором свобода его действий настолько ограничена, что он становится практически беспомощным.

Иногда в поединке между двумя людьми один участник схватки ищет спасения в бегстве, а другой преследует его. Если беглец проворнее своего преследователя, он может спастись; но если он не настолько быстр, то обречен на уничтожение, потому что преследователь наверняка нападет на него сзади, с направления, в котором убегающий не может дать отпор, и таким образом беглец будет получать удары, не имея возможности нанести ощутимый урон в ответ. Аналогично во время сражений армий или флотов одна сторона обычно отступает. Если она способна отступать со скоростью большей, чем скорость продвижения вперед врага, она уйдет в безопасное место; если же она не может отступать с такой скоростью, то обречена на поражение, потому что преследу-

ющий ее враг может нанести ей значительный урон с небольшим для себя риском.

Другая опасность отступления, которая касается как отдельных людей, так и флотов и армий, состоит в том, что храбрость или боевой дух, который столь необходим для эффективного ведения боя, сильно уменьшается от самого факта отступления и от осознания вызванной этим относительной беспомощности. Поэтому к отступлению следует прибегать только по настоятельным причинам. И все же если к нему прибегают, то его надо осуществлять быстро после признания желательности отступления, чтобы сделать это организованно и планомерно.

Оружие. На протяжении всей истории человечества, как нам известно, человек дополнял силу своих кулаков и рук палками и дубинками. Невозможно себе представить, чтобы почти с самого начала люди не делали себе грубые дубинки из сучьев, выломанных из деревьев. Дубинка была полезна просто потому, что она давала возможность человеку доставать противника с расстояния большего, чем вытянутая рука, а также наносить более мощные удары. Причина, по которой удар становился сильнее, была двойной: во-первых, дубина крепче кулака, а во-вторых, ей можно придать большую скорость, чем кулаку, размахивая ею.

Другим средством, дополнявшим силу кулаков и рук, был камень. Человек либо держал камень в руке и использовал его для нанесения им удара, эффективность которого была

высока благодаря твердости и остроте камня, либо применял его как метательный снаряд. В последнем случае результативность зависела от четырех вещей: твердости камня, его остроты, приданной ему скорости и расстояния, с которого он был брошен.

Усовершенствование дубины и камня происходило в течение многих веков с того момента, когда люди впервые их использовали. А по мере развития цивилизации эти грубые приспособления превратились в гораздо более мощное оружие. Но всякое оружие, которое используется в самых высоко оснащенных армии и флоте в настоящее время, обязано своей эффективностью тем же четырем качествам, которые делали результативными удары дубиной и камнем: твердости, остроте, приданной скорости и расстоянию, с которого его можно использовать¹. Однако чем более развитыми становились эти качества, тем больше трудностей и сложностей возникало при их использовании. Сложность эта стала настолько велика, что для изучения оружия и применения его на практике потребовались две отдельные профессии – армейская и военно-морская.

За сражениями первобытного человека, которые он вел с помощью рук и кулаков, а также палок и камней, последовало применение менее грубых орудий, имевших определенную форму и использовавшихся с определенными целями.

---

¹ Возможные исключения – отравляющие газы и торпеды, запущенные с подводной лодки.

Эти орудия были сначала каменные, позднее – медные, а еще позже – из других металлов. Во время палеолита (древнего каменного века) некоторые орудия изготавливались из костей, рогов и бивней. Все они имели острие или острый край, предназначенный явно для преодоления защиты противника для достижения главной цели всех людей – добывания пищи и охраны добычи. Здесь мы видим, что, если орудие использовалось для защиты или нападения, оно становилось оружием, то есть инструментом для достижения военных целей.

В древнем каменном веке орудия были грубыми и, очевидно, сделанными путем отбивки или скалывания чем-то твердым, но в период неолита, или нового каменного века, орудия оттачивали или шлифовали, что свидетельствовало о возросшем интеллекте людей, который в настоящее время мы не можем верно измерить. Гладкие инструменты обладали, конечно, большей пробивной способностью, чем грубые инструменты предыдущего века, и поэтому они были более эффективными и в военное, и в мирное время. На самом деле в те времена промежутки между войной и миром были такими короткими, что между ними не было большой разницы. Это не означает, что в те времена было больше войн, чем сейчас; просто тогда условия были таковы, что война и мир сменяли друг друга более быстро. Тогда не требовалось десяти лет напряженной подготовки, чтобы быть готовым к войне, или даже одного года, чтобы вести ее.

Следует отметить, что цель нанесения удара кулаком или

дубинкой состояла в том, чтобы поставить синяк, или травмировать поверхность тела, или нарушить равновесие, или вызвать такое потрясение всего внутреннего механизма, чтобы он был менее способен к враждебным действиям; цель же нанесения удара острым орудием состояла в том, чтобы пробить защиту, которую давала телу кожа. Позже мы увидим, что последствия от нанесения ударов самым современным оружием по флотам и армиям по сути своей точно такие же.

Оружие и цивилизация. Так как одним из элементов, сопутствующих развитию древней цивилизации, было улучшение действенности оружия, интересно было бы определить, в какой мере совершенствование оружия было причиной этого развития, а в какой – результатом. Точно сделать это невозможно, но ввиду того, что борьба за достижения цивилизации всегда была чрезвычайно острой и неизбежно влекла за собой кровопролитные сражения с варварами и дикими зверями, вероятнее всего, что совершенствование оружия было причиной развития цивилизации в большей степени, нежели его результатом; без него человек не мог бы достичь цивилизованного состояния.

Глава 2

СРАЖЕНИЯ МЕЖДУ ПЛЕМЕНАМИ

Тот факт, что оружие постепенно совершенствовалось, указывает на то, что среди людей в значительной степени развилось сотрудничество, потому что для совершенствования оружия были необходимы различные умения. А если различные умения были направлены на достижение одной цели, то несколько человек, очевидно, трудились совместно. Это сотрудничество, очевидно, было вызвано общностью интересов групп людей. А так как самой насущной потребностью в те времена было обеспечение защиты, то можно не сомневаться в том, что данная общность интересов в этом и состояла. Чтобы группа людей могла обеспечить себе защиту, первым необходимым шагом становилось какое-то объединение.

Самым древним объединением была, конечно, семья, во главе которой стоял мужчина, на которого природой была возложена ответственность за обеспечение пищей и кровом своей жены и детей и защиту их от нападений зверей и людей. Кажется вероятным, что первые сражения произошли от необходимости обеспечивать пищу и кров и охранять их после обретения. Единственный способ, с помощью которого человек мог добыть себе пищу, состоял в том, чтобы убивать животных, лазать на деревья за плодами и орехами, воз-

дельвать землю и ловить рыбу в водоемах — или красть у других людей. То, что люди иногда прибегали к кражам, показывают исторические записи; так поступают дикари и в наши дни. На самом деле поступки людей, живущих в настоящее время в самых высокоразвитых христианских странах, указывают на схожую тенденцию, если в какое-то время или в каком-то месте закон можно обойти или не соблюдать.

Этот момент более важен, чем может показаться на первый взгляд, потому что мы можем изучать цели человека как такового, а следовательно, цели племен и народов лишь путем изучения человека, свободного от влияния цивилизации и ограничений закона. Люди постепенно начали понимать, что для них будет лучше, если ими будут править определенные законы: даже самый большой грешник понимает, что для него лучше всего, если другие люди будут добропорядочными; даже вор хочет, чтобы другие люди были честными; и даже бессовестный должник хочет, чтобы другие люди возвращали ему то, что должны. Общественные законы насильно ограничили отдельных людей, но не было таких международных законов, которые могли насильно ограничить народы и племена.

Если самой древней причиной сражений было получение и сохранение средств существования для женщин и детей, то, вероятно, с той поры эта причина и стала основной, хотя ее заглушили другие, более очевидные. Точно одно: человек всегда участвовал в схватках. Точно и то, что ему не нужно

было много пищи и крова для одного себя. Несомненно то, что на него всегда была возложена ответственность за добывание пищи и крова для женщин и детей, и эта обязанность требовала от него всего усердия, труда и способностей, которые его можно было заставить применить. Потребности женщин и детей возрастали от века к веку, и пропорционально им увеличивались и усилия мужчин.

Это означает не то, что потребности самих мужчин не выросли, а то, что они выросли не в такой пропорции, как потребности женщин и детей. Это также означает, что потребности мужчин, если их тщательно проанализировать, окажутся так тесно связанными с потребностями женщин и детей, от них зависевших, что мы не можем безошибочно заявить, что то, что хочет мужчина, ему нужно для себя одного. Потребности большинства мужчин, если рассматривать их в отдельности, чрезвычайно просты, и их легко удовлетворить.

Так как каждый мужчина нес ответственность за пропитание и защиту своей семьи, то можно легко понять, как двое мужчин договорились действовать совместно в целях обеспечения своих семей пищей и защитой, потом трое, и как таким образом образовались племена. Эти племена, вероятно, сначала состояли из семей, родственных друг другу и поэтому связанных друг с другом сильными узами унаследованной ненависти и страхов перед врагами. Даже в наше время в высокоразвитых странах иногда можно услышать о

наследственной семейной вражде. Поскольку племя образовывалось ради достижения общих интересов по добыче пищи, обеспечению кровом и охране того и другого, то легко понять, что способы, с помощью которых члены племени могли действовать вместе наиболее эффективно при наступлении и обороне, должны были обсуждаться и проверяться на опыте. Также понятно и то, как желание заполучить какой-нибудь водоем для ловли рыбы, находящийся во владениях другого племени, или место для деревни в плодородной долине, или какой-нибудь замечательный скот, или что-то другое должно было приводить к решению отнять это силой. Однако даже в самой первобытной культуре, которая существовала много веков назад и существует на большей части поверхности Земли в настоящее время, нападение не совершалось до составления некоего плана действий под руководством одного человека в роли вождя. Иными словами, сначала нужно было наметить план военной операции и определить стратегию.

Аналогично любое племя понимало, что все, чем оно владеет, всегда может подвергнуться нападению соседнего племени, и имело свои стратегические планы действий на этот случай. Некоторые племена были предусмотрительными, а другие недальновидными, и поэтому первые процветали и сохраняли независимость, тогда как вторые – нет. Такие различия в условиях жизни существуют в неразвитых странах и в наши дни: в каждой дикой стране есть какое-нибудь до-

минирующее племя, вроде тагалов на Филиппинах, которые были более дальновидными и активными, чем их соседи. Мы видим то же самое и в самых развитых странах мира, на самом высоком уровне цивилизации, которого достиг мир: в них существуют несколько доминирующих народов, которые обязаны своим положением точно таким же личным качествам, которые характеризуют (хотя и в меньшей степени) тагалов.

Теперь представьте себе, что вы вождь племени, которое решило захватить деревню, удобно расположенную у подножия горы, у излучины реки на расстоянии десяти миль (16 км), и угнать скот, который выглядит таким упитанным, а поголовье его кажется многочисленным. Что бы вы решили сделать? Вы бы решили напасть на деревню в том месте, где была бы больше вероятность успеха, где было бы труднее всего обороняться, – то есть в самом слабом месте. Вы также решили бы напасть в такое время, когда мужчины племени имели бы меньше всего возможности защитить ее, – если возможно, в их отсутствие или когда они спят. То есть вы попытались бы напасть в самом слабом месте и в самый благоприятный момент. Так делает и командующий величайшей армией или флотом, планируя наступательную операцию в настоящее время.

Чтобы выбрать самое слабое место и самый благоприятный момент, вы пошлете лазутчиков, которые будут сообщать вам, насколько возможно, о передвижениях ваших

жертв, и вы не начнете атаку, пока не будете уверены во всех важных вопросах. А тем временем вы будете тайно обучать своих людей, принимая меры предосторожности, чтобы враг не узнал о ваших намерениях и приготовлениях. А когда вы будете полностью готовы, вы выступите, чтобы осуществить нападение, настолько скрытно, насколько это возможно, высылая шпионов и разведчиков, которые будут постоянно доносить вам о действиях и перемещениях другого племени и мешать ему получать информацию от своих шпионов и разведчиков относительно ваших действий и передвижений. В нужный момент вы нанесете удар со всей силой, на которую способны ваши люди, в нужном месте.

Если ваши планы основывались на точной информации и если враг не знал о них до момента вашего нападения, то оно, вероятно, будет успешным. В этом случае враг будет повергнут в величайшее смятение, начнется паника, а затем беспорядочное отступление. Так как вы запланировали нападение с целью овладеть определенной материальной собственностью, вы воспользуетесь беспомощным состоянием своих жертв и нанесете наибольший возможный урон этому племени и тем самым помешаете ему вернуть себе свою собственность.

Такой была история бесчисленных военных походов во все прошлые века. Иногда военные операции предпринимались в небольшом масштабе малым племенем, иногда они были масштабными и осуществлялись большим народом. Но

обычно они были среднего масштаба и проводились племенем или народом, который был ни очень мал, ни очень велик. Во всех случаях метод в своей основе был один и тот же.

Теперь посмотрим на другую сторону картины и представим себе, что вы вождь племени, владеющего замечательным скотом и занимающего деревню, расположенную на плодородной равнине возле водоема, полного рыбы, и вдруг вы получаете информацию о том, что соседнее племя готовится напасть на вас, а мужчины этого племени начали пляску войны. Что вы будете делать?

Если вы такой вождь, которых всегда было много во все времена, вы не станете смотреть ситуации в лицо: вы убедите себя, что все, что вам сообщили, неправда, или что другое племя не очень сильное, или что вы хорошо подготовлены к его нападению, или что не стоит беспокоиться. В результате вы примете столь запоздалые меры, что враг нанесет вам внезапный удар в ваше самое слабое место, ворвется в вашу деревню, обратит ваших людей в бегство и уничтожит плоды их труда, накопленные за много лет.

Но если вы вождь, достойный занимать свое ответственное и почетное место, вы немедленно мобилизуетесь и примете меры к защите членов вашего племени, их семей и имущества. Сначала вы попытаетесь оценить ситуацию в целом и угадать, каково будет нападение и в какое место будет направлен удар. Вы призовете к себе тех выдающихся людей племени, чей совет стоит выслушать, и примете решение о

том, какую форму обороны выбрать. Вы, разумеется, немедленно изучите организацию племени и военное оснащение его членов и начнете серию учений самого активного характера. Делая все это, вы будете принимать меры к тому, чтобы враждебное племя не получило никаких сведений о том, что вы делаете, и проведете осторожное расследование с целью выявления шпионов в вашей собственной деревне или ее окрестностях.

Приняв решение относительно вероятных намерений противника, вы, естественно, примете меры противодействия. Выяснив, что какая-то часть вашей деревни или ее оборонительные укрепления слабее всего, вы предпримете что-нибудь, чтобы защитить эту часть деревни. Поняв, что враг нападет на вас, вероятно, с определенной стороны, вы примете меры защиты от нападения с этого направления. Вы, вероятно, обнаружите следы шпионской деятельности и, естественно, направите свои усилия на противодействие им, заслав своих собственных лазутчиков. Вы расположите некоторых своих шпионов в пределах границ своих владений и велите им противодействовать вражеским шпионам на своей территории. Вы также зашлете других шпионов на территорию, расположенную между вашим племенем и враждебным, и, если возможно, на территорию противника для ведения шпионской деятельности.

Все эти действия мы называем стратегическими, но они включают меры реального управления членами племени в

предстоящем сражении, то есть «тактическое» управление. С самого начала вы поймете, что вы должны развернуть фронт вашего войска в сторону вероятного направления атаки: то есть если вы придете к выводу, что нападение, вероятно, произойдет с северо-востока, а у вас есть тысяча людей, вы расставите эту тысячу в линию, тянущуюся с северо-запада на юго-восток, лицом на северо-восток. Одна причина этого в том, что каждый человек может лучше всего сражаться в том направлении, к которому он стоит лицом; он слабее с флангов и в наступлении, и в обороне, а самое слабое его место – тыл. Другая причина состоит в том, что то же самое справедливо в отношении нескольких человек даже в большей степени, чем в отношении одного, потому что один человек может очень быстро поменять направление, к которому он стоит лицом, тогда как боевой порядок бойцов может поменять направление, к которому он развернут лицом, относительно медленно, что зависит от длины строя. В то время как один человек слабее всего с тыла, боевой порядок слабее всего с флангов, потому что боевой порядок можно развернуть назад, заставив каждого бойца повернуться лицом к тылу; чтобы повернуть его направо или налево, требуется долгая и сравнительно непростая процедура разворота всего строя вокруг его оси.

Размещение ваших сил, естественно, будет чисто оборонительным с целью помешать успешной атаке. Однако, понимая, что возможно поражение, вы примете меры к тому, что-

бы уменьшить опасности, которые всегда влечет за собой отступление. Вы наметите направление и маршрут отступления и меры его защиты после его начала. Вы также распорядитесь, чтобы определенные люди – женщины и дети – и определенные ценности, такие как скот, были готовы своевременно начать отступление, чтобы не путаться под ногами у сражающихся мужчин, и не только обеспечить их безопасность, но и упростить эту операцию после начала отступления. Вы также распорядитесь, чтобы арьергард следовал за не участвующими в боевых действиях людьми и основными силами во время отступления для отражения нападений врага. Вы обеспечите охрану для каждого фланга, чтобы помешать врагу преследовать вас параллельным курсом и нападать на ваши отступающие силы сбоку. То есть вы будете делать именно то, что делал каждый знающий полководец любой армии, большой или маленькой, если имелась угроза нападения опасного, как ему было известно, врага.

Если вы получите информацию вовремя, отдадите распоряжения с должной энергией и дальновидностью и вам удастся сохранить факт ваших приготовлений в тайне от врага, будет шанс того, что, когда он, наконец, нападет на вас, его атака не будет иметь успех по той причине, что он поведет ее, обладая неточной оценкой обстановки и думая, что вы к ней не готовы.

Обсуждение этой ситуации подразумевает, что два племени приблизительно равны по силам. Конечно, если ваше пле-

мя намного малочисленнее, или ниже по занимаемому положению, или его воины уступают в мастерстве и храбрости, или если племена во всем этом равны, но у врага оружие лучше, тогда вы не можете одержать победу в любом случае. Вашим единственным шансом оказаться в безопасности будет отступление, предпринятое в нужный момент, или же представление врагу таких уступок, которые заставят его воздержаться от агрессивных действий. В истории есть много примеров ситуаций, подобной этой.

В случае, если племена приблизительно равны по силам, исход нельзя предсказать заранее, и его придется узнавать так, как всегда решались такие вопросы, – в бою. Когда настанет нужный момент, быстрые легковооруженные вражеские разведчики, вероятно, опередят основные силы, чтобы удостовериться в местонахождении ваших воинов и выяснить, чем они занимаются. Между этими разведчиками и основными силами будут еще другие люди, которые побегут назад к основным силам, чтобы передать сведения, полученные этими разведчиками, и донести до них потом приказы вождя. Разведчикам не понадобится оружие для проведения разведки; на самом деле его вес станет помехой для их быстрого передвижения и, значит, для эффективности их разведывательных функций. Но оружие понадобится в случае, если вражеские разведчики встретят ваших разведчиков, потому что ваши разведчики могут помешать продвижению вперед невооруженных вражеских лазутчиков и даже заставить

их отступить.

Вражеские разведчики, вероятно, будут запущены не только перед фронтом основных наступающих сил, но и с флангов, дугообразной линией для отвлечения противника, потому что враг будет знать, что в противном случае вы можете внезапно появиться у него с фланга и напасть на него с той стороны, где он окажется почти беспомощным. Возможно, разведчики с обеих сторон вступят в контакт друг с другом, и за этим последует бой между ними. И в этом случае та сторона, разведчики которой сильнее, сможет отбросить противника и обеспечить явное преимущество. Однако в конце концов за разведчиками последуют основные силы, и начнется бой.

С одной стороны, результат этого сражения ни одна сторона не может знать заранее по той причине, что ни одна из них не будет обладать полной информацией обо всех факторах. Но с другой – любой человек, знающий значение всех факторов и способный их обобщить, все же может его предсказать. Иными словами, исход сражения действительно будет предreshен до его начала, но каков он будет на самом деле – неизвестно.

Чтобы проиллюстрировать это утверждение, предположим, что в скачках должны участвовать две лошади, с виду равные по силам. Предположим также, что одной из лошадей дали перед забегом ослабляющее силы лекарство, которое сделает ее неспособной приложить максимум усилий в

гонке. Такое часто происходило, и тот факт, что это было сделано, решал исход скачек заранее. Хотя никто не знал, каков будет результат, за исключением тех людей, которые дали лошади лекарство.

Аналогично в предполагаемом сражении между вашим племенем и вражеским главными факторами, которые решат его исход, являются сила, военное искусство и храбрость противоборствующих сторон. Ни одна сторона не может оценить эти факторы, но тем не менее каждый из них имеет реальное и вполне определенное значение, хотя никто не знает какое. Их сочетание, которое определит, на чьей стороне будет победа, тоже имеет реальное значение, хотя оно никогда не бывает определено, и даже относительная величина силы, военного мастерства и храбрости двух противников неизвестны до тех пор, пока исход сражения не возвестят трубы.

В нашем обычном представлении о сражении или поединке одна сторона наступает на другую, пока они не придут в столкновение и не начнут сражаться. Такое наступление по фронту называется фронтальным, или лобовой атакой, и если та или иная сторона считает, что имеет такое ошеломляющее превосходство в силе, что может одолеть другую, то это самый быстрый путь для достижения победы. Но лобовые атаки обычно не предпринимают, если только у одной стороны нет величайшей уверенности в своей силе, потому что, если такая уверенность оказывается неоправданной,

возможны огромные потери личного состава без достижения цели. Атакующий обычно пытается получить какое-то преимущество – либо ударить во фланг, либо, обойдя фланг, нанести удар в тыл, либо сосредоточить все силы в одном месте вражеского боевого порядка и попытаться прорвать их.

Та или иная сторона обычно идет в наступление, то есть нападает, тогда как другая занимает оборону и ожидает атаки. В рассматриваемом случае ваш враг, вероятно, будет нападать, потому что именно эту роль он должен играть, чтобы добиться своих целей и нарушить ваши планы. Как долго вы будете занимать оборону – вопрос, который вы должны решить. У наступления и обороны есть свои особые преимущества. Преимущества обороны состоят в том, что бойцы, занимая сравнительно стационарную позицию, могут применять свое оружие с большей точностью и имеют лучшую защиту в виде препятствий или оборонительных укреплений – естественных или искусственных; то есть защитники обычно могут убить больше противников во время атаки, нежели нападающие, которые в силу необходимости открывают себя для ударов и не могут использовать свое оружие с такой же высокой точностью.

С другой стороны, у наступающего есть колоссальные преимущества: он знает, что будет делать, уже решено, куда будет нанесен удар, да и сам факт начала движения дает чувство уверенности и смелости. Защищающийся, с другой стороны, не зная, куда или когда ударит враг, должен ожидать

его действий, оставаться в состоянии постоянных сомнений и не иметь возможности решить, что ему делать, до последнего момента. Такие условия неблагоприятны для поддержания высокого боевого духа.

В случае, если враг пребывал в неведении относительно ваших приготовлений, вы, вероятно, нанесете ему поражение; и ввиду того, что, как в этом случае, он, вероятно, не будет в должной мере готов к отступлению, любую победу над ним вам, возможно, удастся превратить в победоносное преследование. В таком преследовании вы сможете нанести ему катастрофические потери, во-первых, убивая его воинов и, во-вторых, уничтожая какую-то часть его имущества и захватывая другую. Если, с другой стороны, вы потерпели поражение, вы – вследствие ваших приготовлений, – вероятно, сможете упорядоченно отступить. Так что, хотя вы и потерпите поражение, это не будет катастрофой. Иллюстрации всех таких случаев – как с малыми армиями, так и большими – часто встречаются в истории.

Во время сражения между вашим племенем и вражеским вы поймете, что, просто защищаясь, вы только откладываете катастрофу, потому что вы знаете, что, только уменьшая способность врага нанести вам урон, вы обеспечите себе безопасность от дальнейшего ущерба. Поэтому, когда представится возможность, вы нанесете ему ответный удар, даже если вашей конечной целью является просто защита. Другими словами, вы будете осуществлять то, что в наше время

называется наступательной обороной. Никакая другая оборона никогда еще не имела успеха. Исключением к этому утверждению являются случаи с особыми условиями, вроде неспособности врага обеспечить себя продовольствием.

Но может случиться так, что после получения вами вестей о грозящем нападении проведенный анализ ситуации приведет вас к пониманию того, что наилучшим выходом для вас будет нанести сильный удар по врагу, то есть «начать наступление», пока враг готовится напасть на вас. Это часто оказывалось единственной и самой мудрой линией поведения. Мы постоянно видим ее аналог в протоколах судов по делам об убийствах, когда человек, обвиняемый в убийстве, заявляет, что убитый собирался напасть на него и он осознал необходимость опередить его. Такая ситуация настолько широко признана, что в ходу появилась выразительная жаргонная фраза «взять человека на мушку» или поставить кого-то в невыгодное положение. Один человек «берет на мушку» другого, когда он может быстрее воспользоваться своим оружием.

Так что вам нужно решить, поставило ли вас в невыгодное положение другое племя. Если вы придете к выводу, что это так, вашим единственно разумным планом является принятие оборонительных мер, какие я уже наметил в общих чертах. Но если вы решите, что другое племя не поставило вас в невыгодное положение, а вы сами можете поставить его в невыгодное положение, вам лучше всего предпринять на-

отступление. Чтобы осуществить его, вы должны сделать то, что человек в повседневной жизни должен делать постоянно при выполнении своих планов, то есть вы должны проводить ваши приготовления весьма быстро и тайно и приступить к осуществлению вашего плана прежде, чем ваш соперник сможет помешать ему. Если другое племя уверено в своем превосходстве и вы можете держать его в неведении относительно ваших приготовлений и если ваше племя равно вражескому по силе, военному искусству и храбрости, вы, вероятно, сможете внезапно атаковать его в самом слабом месте, пока противник не ожидает удара и не готов защититься. Если вы сможете сделать это, вы повергнете его в смятение, степень которого будет пропорциональна времени между моментом, когда он, наконец, осознает ваши намерения, и реальным моментом нападения. Если вы сумеете напасть на него прежде, чем он получит информацию о ваших намерениях, вы, вероятно, одержите победу.

Одним из самых важных факторов, способствующих успеху, является фактор неожиданности, в большой мере обусловленный психологическим эффектом, произведенным на вражеских воинов – не только командиров, но и рядовых. Внезапный переход из состояния уверенного спокойствия к осознанию опасного нападения ведет к смятению, панике и отступлению.

Если вы вовремя получаете информацию о приготовлениях врага, но решаете не предпринимать наступление, вы,

без сомнения, примете меры к тому, чтобы защитить свою деревню какими-нибудь укреплениями, вроде стволов деревьев и других препятствий. Но в ваши планы не будет входить, что ваши воины останутся за этими препятствиями, если только у вас не очень мало бойцов. Вы поймете, что такие меры могут задержать наступление противника, но не приведут к его поражению, потому что вы знаете, что единственный способ разгромить его – это нанести ему какой-нибудь существенный урон. Вы даже не будете выстраивать своих людей вблизи этих препятствий, потому что поймете, что эта мера даст возможность противнику приблизиться к вашему дому без потерь и нанести вам внезапный удар из любого места, которое он выберет. Вы также поймете, что такая мера даст ему возможность безнаказанно опустошить ваши поля и разорить все, что находится за пределами вашей деревни. По этим причинам вы будете выдвигать свои силы вперед как можно дальше в направлении вероятного приближения врага и попытаетесь, как только появится возможность, вступить с ним в контакт путем засылки разведчиков.

Поскольку ваш враг будет придерживаться схожей тактики, то вскоре два военных отряда будут действовать в присутствии друг друга в условиях, по сути своей схожих с теми, при которых во все века действовали величайшие армии.

Инстинктивно вы понимаете, что тяжесть любого удара, который вы можете нанести, будет пропорциональна силе, с которой вы его нанесете; что эта сила будет в чем-то похожа

на силу, с которой кулак или дубинка бьют по своей цели. Вам известно, что тяжесть удара зависит от размера кулака или дубинки или от количества воинов и скорости, с которой кулак (дубинка) или воины наносят удар.

Поэтому вы поймете, что, когда наступит момент нанести решающий удар, вам лучше всего бросить свои основные силы (то есть столько бойцов, сколько вы сможете собрать) против какого-то заранее определенного участка боевого порядка противника и чтобы они действовали с максимально возможной быстротой. Иными словами, вы поймете, что ваш окончательный удар должен принять форму нападения, во время которого ваши главные силы будут двигаться вперед с максимально возможной быстротой в заранее намеченном месте вражеского фронта.

Однако вы также поймете, что (как в кулачном бою или бою дубинками) удар должен быть не только мощным и нанесенным быстро, чтобы придать ему наибольшую силу, но и немедленным, чтобы не дать возможности врагу отразить его или уклониться от него. Иными словами, вы осознаете, что двумя самыми важными элементами реального боя являются сила и быстрота. И мощь удара, и быстрота его нанесения зависят от силы воли и храбрости, стоящих за ним.

Ценность быстроты более очевидна в действиях, предшествующих реальному сражению, то есть до нанесения реального удара по врагу, чем во время самого боя, потому что в подготовительных действиях быстрота – это самый важ-

ный фактор. Когда наносишь ложный удар по коммуникациям врага, или угрожаешь его флангу, или когда он отвечает на угрозу или ложный удар, то находишься в положении боксера, который делает ложные выпады или отвечает на ложные выпады или угрозы своего противника. В такой ситуации боксеру нужно достаточно сил, чтобы парировать удары, но в большей степени ему необходима быстрота. Быстрота видна наблюдателю как скорость мускульных движений боксера. Но еще задолго до того, как рука или тело боксера сделает движение, чтобы парировать удар, его глаза должны увидеть движения его соперника и послать сигнал об этом в мозг; а мозг затем должен послать сигнал мускулам, а мускулы должны его послушаться.

Аналогично при передвижениях двух противостоящих друг другу сил – маленьких ли племен, огромных ли армий – реальным боевым действиям должны предшествовать маневры, для которых необходима большая быстрота – не только при перемещении тел, осуществляющих маневр, но и при предварительном осознании передвижений врага и принятии должных мер, чтобы помешать им. Передвижения врага могут быть наступательными или оборонительными, но в любом случае вы должны осознавать необходимость заметить их как можно быстрее и принять быстрые меры по противодействию.

Мы видим это сходство действий двух противоборствующих сторон на протяжении всей войны. Вообще говоря, каж-

дая сторона старается делать то же самое, что и другая, с учетом лишь реальных условий, потому что каждая сторона понимает, что, только ведя те или иные наступательные действия, можно добиться какого-то успеха и что единственным преимуществом обороны является воспрепятствование врагу в достижении успеха. Некоторые авторы, похоже, довели эту мысль до излишней крайности и стали на ту точку зрения, что тактика должна быть всецело наступательной. Следует просто представить себе, что случится с боксером, если он не будет пытаться парировать удары противника или уклоняться от них, чтобы увидеть, насколько несостоятельной является эта теория. Можно также указать на то, что во всех сражениях – больших или маленьких – большую часть времени занимают оборонительные мероприятия, которые осуществляются с двойной целью: помешать противнику нанести решающий удар и подготовить плацдарм для нанесения собственного решающего удара.

Составляя план боевых операций, вы, несомненно, будете учитывать действия разных частей вашей небольшой армии и поймете, что они будут затруднены, если не будут согласованы из-за отсутствия системы связи, аналогичной нервной системе в человеческом теле. Вы осознаете необходимость создания некоей системы, с помощью которой вы сможете посылать распоряжения любой части вашей армии и получать от нее информацию, не только руководить действиями каждой части по отдельности, но и всеми частями сво-

ей армии, чтобы они могли действовать совместно для достижения общей цели и чтобы каждая часть армии могла помочь другой ее части, оказавшейся в опасном положении. Вы инстинктивно поймете, хотя, возможно, и не сможете сформулировать эту мысль словами, что всей вашей армией вы должны управлять так, как боксер управляет своим телом, когда все его части направляет высший разум, а они действуют совместно и помогают друг другу.

Резервы. Если положение таково, что вам трудно точно понять, где враг нанесет удар, вы можете держать значительные силы в резерве, в тылу, разместив их так, чтобы, когда ваш авангард или даже главные силы будут отражать в каком-то месте атаку, их можно было в случае необходимости быстро перебросить в это место. В зависимости от обстоятельств резерв будет состоять из большой или небольшой части всех ваших сил. Однако будь он большой или маленький, он должен обладать высокой боевой значимостью, потому что от него может зависеть исход боя.

Разумеется, это не означает, что резерв следует использовать только в оборонительных целях и в случае, если атакована часть ваших боевых порядков. Ведь очевидно, что, даже выдвигаясь для атаки, вы можете обнаружить, что ваши боевые порядки слишком слабы в каком-то месте, и враг может воспользоваться этим. В таком случае вы пошлете свои резервы в это место. Нападаете ли вы или отражаете нападение, подкрепления время от времени нужны в том или ином

месте, чтобы усилить его. В любом случае в том или ином месте бывает нужно больше сил, чем имеется на данный момент, и поэтому вызывается подкрепление.

В боксерском поединке способность человеческого тела посылать подкрепления из одного места в другое очевидна. Если нужна сила в левой руке для отражения удара, она неожиданно получает силу, которой не было в ней еще секунду назад. Если быстрый парирующий удар пробивает защиту соперника, правая рука вдруг приобретает десятикратную силу и автоматически наносит удар, в котором, кажется, мгновенно сконцентрировалась вся сила тела.

Дисциплина. Но какими бы совершенными ни были ваше понимание того, что следует делать, и имеющиеся в вашем распоряжении средства связи между вами и частями вашей небольшой армии, вы окажетесь бессильным эффективно управлять ею, если вам не будут присылать правильные донесения и если вашим приказам не будут подчиняться. И то и другое достигается тем, что мы называем дисциплиной, которая связывает отдельные части в единое целое подобно тому, как стяжки связывают части инженерной конструкции и превращают отдельные части в крепкое спаянное целое. Некоторые люди считают, что дисциплина — это суровое и жестокое средство назначения наказания нарушителям. Верно, назначение наказания — это одна из функций дисциплины, но эта функция не единственная. Если бы это была единственная функция дисциплины, то дисципли-

на была бы неэффективной в достижении той цели, которой служит, – управления большим количеством подразделений, потому что, вместо того чтобы соединять эти подразделения, она разъединяла бы их. Ни один человек и ни один отряд людей невозможно было бы заставить терпеть такую дисциплину в течение долгого времени. Организации требуется главным образом не такая дисциплина, а противоположная ей – та, которая влечет людей друг к другу и к делу, за которое они сражаются.

Такая дисциплина старается вселить во всех воинов чувство товарищества, приверженность делу, верность организации, сражающейся за достижение цели, и поэтому не только подчинение вышестоящей власти, но и преданность и, как следствие, готовность действовать. Без дисциплины такого рода нельзя сделать никакую работу, а с ней возможны самые удивительные свершения. Одной из лучших иллюстраций этого послужили оборванные, необученные и полуголодные бойцы, которых молодая Французская республика поспешно отправила сражаться с регулярными армиями Австрии и Пруссии в 1792 г. На одном патриотическом подъеме эти необстрелянные новобранцы преодолели самые тяжелые преграды – погодные условия, плохие дороги, голод и нехватку боеприпасов и вышли победителями из двух сражений (при Вальми 20 сентября 1792 г. и при Жемане 6 ноября 1792 г. – *Ред.*).

То же самое можно сказать и обо всех французских арми-

ях во времена Наполеона. Да, у них был величайший гений, которых вдохновлял, и вел их, и поддерживал в них мужество, но еще до того, как Наполеон сыграл какую-то роль в борьбе, французская армия уже проявила свою поразительную силу духа. Верно также и то, что Наполеон был чрезвычайно убедителен, когда взывал к этой силе духа, но он не мог бы быть убедительным, если бы та же сила духа, которая вдохновляла подвластные ему армии, не вдохновляла его самого и если бы он не оставался под ее возбуждающими чарами.

Если смотреть с этой точки зрения, которая, как показывает история, является истинно верной, дисциплина, смелость и боевой дух кажутся во многом похожими и действующими сообща. В трудное и опасное время войны боевой дух и дисциплина не могут быть высокими, если не на высоте мужество. Дисциплина и смелость не могут быть высокими, если таковым не является боевой дух. Боевой дух и смелость неизбежно падают, если низка дисциплина. Но если все три качества на должной высоте, как это было в армиях Наполеона, любая армия будет замечательно и эффективно сражаться, даже если условия не позволяют ей сражаться успешно. Это происходит не только из-за их прямого воздействия на стремительность армии, а потому, что это позволяет старшим офицерам посвятить свое время и усилия достижению главной цели, стоящей перед ними, не отвлекаясь на преодоление апатии и инертности людей, находящихся

ся под их командованием. Примером великого полководца, которому приходилось бороться с такими трудностями, является Джордж Вашингтон во время нашей Войны за независимость.

Но если бы вы были вождем племени дикарей – одного из европейских племен дикарей, от которых произошли нынешние великие народы мира и от которых мы получили представление о стратегии, вам не было бы трудно поддерживать дисциплину. У диких племен, которые имеют отношение к вопросам стратегии, война всегда была главным делом жизни, и воинские качества культивировались у них больше всего. Два главных воинских качества – смелость и верность. У диких народов менее воинственного типа, не представленных в вопросах стратегии, эти качества не так важны и поэтому не так усердно культивируются. Даже в диком племени, в котором царят более жесткие порядки, эти качества склонны ослабевать, если племя поднимается на более высокую ступень развития, потому что требуется развивать другие качества. И если будет преувеличением утверждать, что развитие других качеств ведет к ослаблению смелости и верности, можно безошибочно заявлять, что такое развитие имеет тенденцию подавлять их, что эти качества отстаивают свое существование только в случаях экстренной необходимости. У цивилизованных народов, у которых права и привилегии отдельного человека занимают очень важное место, эгоизм отдельного человека и развитие свободы

и комфорта индивидуума неблагоприятно сказываются на развитии смелости и верности. И хотя верно то, что в каждом человеке, который изначально обладал ими, они в критических ситуациях будут проявляться, тем не менее эти качества склонны проявляться несколько запоздало, а иногда слишком поздно.

Смягчающее воздействие цивилизации на большинство народов очевидно на протяжении всей истории человечества. Является ли это воздействие, вредное для самих воинских качеств, благотворным для индивидуума как представителя человечества, сотворенного по образу и подобию Всевышнего, — этот вопрос не относится к области стратегии. Однако к этой области относится тот факт, что это воздействие существует и оно очень мощное, настолько мощное, что привело к уничтожению многих народов руками других, чей боевой дух не притупился под изнеживающим влиянием благосостояния и свободы.

Доктрина. У вас должны быть основания ожидать, что ваши люди не только будут подчиняться вашим распоряжениям, но и, даже если они окажутся вдали от вас, они будут стремиться подчиняться таким распоряжениям в том духе, который вы вселили в них. То есть ваши воины, находясь вдали от вас, должны быть способны действовать в значительной степени самостоятельно и не зависеть от конкретных и подробных приказов. Проблема подробных приказов в том, разумеется, что, когда наступает время их выполнять,

обстоятельства могут отличаться от расчетных, и выполнение этих приказов может привести к самым плачевным последствиям. Чтобы преодолеть эту трудность, дисциплина стремится установить общность понимания, которую иногда называют «доктриной», чтобы каждый человек знал в какой-то мере, что он должен делать, не нуждаясь в конкретных указаниях в каждом случае. Когда какое-то число людей должным образом прониклись этой доктриной, дисциплина оказывается на самом высоком уровне своей эффективности, и командующий может дать командирам отдельных подразделений, частей и соединений простые указания, что они должны делать, то есть распределить между ними задачи и предоставить им их выполнение.

Подчиненные командиры, сколько бы свободы вы ни предоставили им в интерпретации ваших приказов, тем не менее не являются лицами, свободно выражающими свою волю, за исключением тех средств, которые они используют для исполнения этих приказов. Подчиненному командиру иногда чрезвычайно трудно понять, что ему нужно делать, оказавшись в ситуации, отличающейся от той, которую ожидал его начальник. В таких случаях со стороны командующего требуется высочайшая степень четкости указаний и предельная верность со стороны подчиненных. Главнокомандующий должен уметь внушить своим подчиненным отчетливое понимание своей конечной цели и того, насколько самостоятельным может быть его подчиненный. А подчиненный,

с другой стороны, должен приложить все свои умственные усилия к тому, чтобы понять, каких действий его начальник ждет от него в реальных обстоятельствах, склоняясь, однако, больше к строгому подчинению, нежели противоположной крайности.

Если в вашем племени хорошая дисциплина, что вполне вероятно, то ваша военная машина будет в хорошем рабочем состоянии. Но этот фактор не поможет вам при составлении плана боевых действий и не облегчит ваше личное бремя ответственности. Напротив, чем лучше дисциплина в вашем войске и чем более преданно и разумно выполняются ваши приказы, тем больше ответственности за планирование боевых действий падает на ваши плечи.

Отступление. Если вы осуществили свои приготовления настолько полно и провели свои боевые действия настолько успешно, чтобы заставить вашего врага отступить, и если он проявил такое же военное искусство, вы заставите его отступить, но лишь постепенно. Ни в какой военной деятельности нельзя лучше проявить военное искусство, чем при проведении отступления. Труднее осуществить успешное отступление, чем успешное преследование, главным образом по причине воздействия отступательных действий на боевой дух воинов; трудности, разумеется, будут усугубляться, если отступление начато слишком запоздало.

Ни в какой сфере жизни так не требуется дальновидности, как при проведении военных операций, по той причине,

что ни в какой другой области нет врага, который, напрягая все свои нервы, день и ночь ждал бы случая воспользоваться любой ошибкой, которую вы можете совершить, или любым шансом, который вы можете упустить. Если ваш враг живет за счет того, чем может поживиться в окрестностях, его отступление может оказаться сравнительно простым делом. Но если за ним следует обоз с припасами, то отступление может оказаться чрезвычайно непростым ввиду того, что враг окажется перед необходимостью отправить этот обоз впереди себя, чтобы припасы не попали в ваши руки. Во время боевых действий современных армий, за которыми следуют огромные обозы с запасами продовольствия и боеприпасами, эту проблему иногда невозможно решить, и большие количества продовольствия и армейского снаряжения и боеприпасов приходится бросать ввиду суровой необходимости избежать пленения бойцов. Попадание армии в плен, разумеется, самое большое несчастье для нее.

Цель. Так как вы ведете боевые действия, которые по сути своей оборонительные, хотя вы и осуществляете наступательные маневры, вы поймете, что ваша цель – воинская сила противника. И подчиненные вам командиры поймут, что их целью являются те части боевых сил противника, против которых вы направляете их усилия. Однако в предложенных условиях вождь вражеского племени не будет рассматривать вашу воинскую силу как главную цель, потому что его главной целью является ваша деревня и другая материальная

собственность, а воины вашего войска — всего лишь препятствие на его пути. Для него ваша воинская сила — ближайшая цель, от которой он должен избавиться, прежде чем обратит свое внимание на конечную цель. Однако командиры его войска рассматривают ваших воинов как свою главную цель. Разница между точками зрения вождя вражеского племени и его подчиненных состоит в том, что их точка зрения чисто военная, а его — по сути дела политическая.

Государство и армия. Различие в случае двух небольших племен не будет иметь значения, но оно часто чрезвычайно важно, если речь идет о больших народах. В случае маленьких племен глава государства обычно является и командующим армией, так что политическое и военное командование объединены в одном человеке. Однако если речь идет о больших народах, все в наше время обычно обстоит иначе. Поскольку обязанности политического главы так велики, а необходимые знания столь обширны, только величайшие гении, вроде Цезаря или Наполеона, могли исполнять одновременно обязанности и главы государства, и главнокомандующего вооруженными силами. Последствием этого всегда было отсутствие согласованности действий между этими двумя людьми. Со времен Наполеона ни одному человеку не удавалось успешно исполнять обязанности и того и другого. Ближе всего к этому приблизился прусский король Вильгельм I, но ему помогал Бисмарк в роли канцлера и Мольтке в роли начальника штаба. Такой союз, какой являли собой Виль-

гельм, Бисмарк и Мольтке, появился в истории лишь единственный раз.

Глава 3

ПОСТЕПЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Первыми войнами, о которых у нас есть какие-то связанные отчеты, были те, которые вел фараон Тутмос III против государств в Северной Палестине и Сирии. Обо всех войнах и сражениях, произошедших за бесчисленные века, предшествующие им, у нас есть самые неясные сообщения, хотя памятники Египта, Вавилонии, Ассирии и Персии показывают, что войн велось много. Они также показывают, что оружие и доспехи существовали до XIII в. до н. э.; а раскопки, проведенные в многочисленных, расположенных далеко друг от друга регионах, обнаруживают оружие, которое, вероятно, использовалось за несколько тысяч лет до этого.

Изобретение и применение оружия всегда шло по путям, параллельным изобретению и применению орудий труда, потому что оружие – это орудие, используемое в военных целях. Главную причину, по которой человек сумел возвыситься над животными и по которой люди разумные и цивилизованные сумели одержать победу над варварами и людьми с меньшим интеллектом, следует искать в применении оружия. Оружие, разумеется, было продуктом интеллекта, так что правильным будет сказать, что именно благодаря ору-

жию и войнам, в которых оно использовалось, стала возможна разумная цивилизация вопреки сопротивлению, во-первых, диких зверей и, во-вторых, варваров.

Здесь можно отметить, что *в то время, как много людей пострадало в войнах, они все же были лишь небольшой частью рода человеческого, который в целом извлек из этих войн пользу.* Сравнительно небольшое число людей были принесены в жертву во время войн для пользы человечества.

Самые первые виды оружия и инструменты были сделаны из камня, дерева и кости, но в основном из камня. В древнем каменном веке они были грубыми; очевидно, чтобы придать им форму, их обтесывали и по ним били чем-то тяжелым. Но в новом каменном веке они уже были гладкими и отшлифованными. Между древним и новым каменными веками нет установленной разделительной границы, и поэтому мы видим постепенный переход от грубого оружия к отшлифованному. Позднее орудия труда и оружие стали делать из меди, а еще позже из бронзы – сплава меди и олова или какого-нибудь соответствующего металла. Железо вошло в обиход, по видимому, до бронзы у одних народов и после бронзы у других. Сначала было трудно изготавливать оружие из железа, но после того, как люди овладели искусством обращения с ним, железо заменило бронзу и в оружии, и в доспехах, потому что оно было тверже и лезвие или наконечник из него можно было сделать острее.

Народом, который первым создал эффективное оружие,

были, по-видимому, ассирийцы, которые использовали наступательную и оборонительную боевую технику еще в XIII в. до н. э. Пехотинец их регулярной армии в качестве защитных доспехов носил шлем, завязываемый под подбородком, небольшой круглый щит и иногда латы, сделанные из металлических пластинок, нашитых на шкуры или ткань. У некоторых были настоящие стальные кольчуги, а их ноги до колен защищали лосины. Ассирийское наступательное вооружение включало копье, меч, лук и пращу. Боец ополчения носил шлем, но без ремешка под подбородком. Барельефы показывают, что головы персидских лучников также были защищены шлемами. Ассирийцы применяли кавалерию, вооруженную копьями и мечами и защищенную доспехами, похожими на те, которые носили пехотинцы, и состоявшими из кольчуги, защищавшей их и спереди, и сзади. Лучники были иногда конными и частично защищены доспехами; помимо лука и колчана со стрелами, они имели мечи. По-видимому, ассирийцы были изобретателями колесницы, оснащенной острыми лезвиями на колесах, катапульты, которая бросала тяжелые предметы – камни и куски свинца, и баллисты, метавшей стрелы. (Согласно другим источникам, катапульта была изобретена ок. 400 г. до н. э. греками (очевидно, в Сиракузах), баллиста также греками немного позже (ок. 350 до н. э.). – *Ред.*) Помимо этого ассирийцы использовали стенобитные орудия для пробивания брешей в стенах крепостей.

Таким образом, мы видим, что уже до XIII в. до н. э. постепенно развивающаяся цивилизация основных стран дошла до производства и использования оружия на уровне, который не сильно отставал от уровня, на котором оно использовалось в Европе в середине XIV в. н. э., когда при ведении войн здесь стали применять огнестрельное оружие. До изобретения основных видов оружия древние, вероятно, понимали желательность обладания таким оружием. То есть они, наверное, понимали ценность таких изделий для осуществления своих военных планов. Изобретение и изготовление оружия не имело отношения к войне, а было актом применения на практике изделий и умений, которые сами по себе были мирными. Иными словами, производство этого оружия было обусловлено, во-первых, стратегической концепцией и, во-вторых, изобретением и развитием механики. Так как большинство производившихся изделий более древней цивилизации были такие орудия, как ножи, молотки и топоры, и так как первоочередной необходимостью человека была защита своей жизни, неизбежен, кажется, вывод о том, что первый толчок к развитию цивилизации дала война. Деммен пишет: «С тех пор оружие, изначально изобретенное для разрушительных целей, стало самым мощным средством цивилизации».

Когда мы рассматриваем трудности при изготовлении орудий и оружия, будь то древний каменный век, когда твердым кускам кремня придавали форму, отбивая от них кусоч-

ки, или новый каменный век, когда орудия и оружие шлифовали и полировали, или бронзовый или железный века, когда орудия и оружие делали такими, какими они известны нам теперь, мы понимаем, что был, вероятно, проделан огромный объем мыслительной и физической работы, в основе которой лежала суровая необходимость.

Важным и интересным фактом, имеющим отношение к оружию и доспехам, является то, что сначала было изобретено оружие, а лишь затем доспехи. Обратную ситуацию едва ли можно себе представить, потому что доспехи не были бы изобретены, если бы не была нужна защита от оружия. С тех пор первой задачей войны было наступление, а второй – оборона как при изготовлении оружия и доспехов, так и при разработке военных планов. По этой причине оборона всегда отставала от наступления, хотя со временем она, возможно, обогнала его; и это объясняет огромное значение нового оружия или нового метода, которые внезапно начинают применяться при ведении войны, прежде чем враг сумел изобрести средства или способы защиты от него. В бесчисленных случаях, когда победа быстро и решительно оказывалась у одной из противоборствующих сторон, в то время как обе стороны были равны по численности и оснащенности, это произошло потому, что сторона-победитель застала другую сторону врасплох, применив какое-нибудь неожиданное оружие или маневр. Ставит в тупик то, насколько мало этот исторический факт принимался в расчет авторами

стратегий. Однако на мысль о том, что его изначально признавали, наводит сходство двух слов – стратегия (strategy) и военная хитрость (stratagem), которые произошли от одного греческого корня.

Интересно отметить, что после внедрения любого нового оружия или новых доспехов, от него защищающих, стратегические планы полководцев не требовали изменений, за исключением деталей, потому что результаты, которых они пытались добиться, оставались абсолютно неизменными. Были ли два племени вооружены дубинами или копьями, усилия были теми же и средства их осуществления тоже. Каким бы ни было оружие – дубины или копья, – план всегда состоял в том, чтобы как можно быстрее нанести врагу удар в самое уязвимое место. А желательность нападения на него с фланга, изоляция его от источников снабжения или препятствование его отступлению были все теми же как в одном, так и в другом случае. То же справедливо, если оружием являлись луки и стрелы, если лучники сидели верхом на лошадях или действовали в пешем порядке, если применялись колесницы с лезвиями на колесах, или баллисты, или тараны и катапульты. Стратегический план операции оставался без изменений.

Но тактика и материально-техническое обеспечение (логистика) боевых действий менялись колоссально. Все реальные пешие передвижения, реальное расположение всех ресурсов, все вычисления времени и расстояния следовало

произвести заново, чтобы соответствовать новым условиям, навязанным применением нового оружия и доспехов. Более того, уровень технических знаний, необходимых всем участникам от командующего до рядового, постоянно повышался с увеличением числа, размера и сложности оружия и защитных доспехов. Вождь дикого племени, достойный занимать свое место, обладал всеми знаниями, необходимыми, чтобы спланировать и провести боевые действия, когда единственным оружием были дубины, не использовались никакие доспехи, а люди питались тем, что добудут. Но вождь дикого племени был бы совершенно некомпетентен при составлении плана и осуществлении боевых действий, в которых должны были участвовать баллисты, тараны и колесницы с лезвиями на колесах, а провиант нужно было поставлять для армии численностью 300 000 человек. Такова была армия царя Дария, которая прошла (морем. — *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.